

УДК 141.132:001:008

С.Ю. ЯНКОВСКАЯ

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена проблемам кризиса рациональности в современной науке и культуре. Автор описывает ряд моделей рациональности в современной философии. В статье предпринята попытка обобщить и систематизировать методологические подходы к проблемам рациональности, обозначить российскую и западную школу в исследованиях рациональности. В статье рассмотрено, какие варианты преодоления кризиса рациональности предлагает каждая традиция.

Автор статьи делает вывод, что "новая" рациональность должна строиться на учете единства аксиологического и гносеологического компонентов.

Обсуждение статуса рациональности, ее роли и значения в системе сознания и человеческой жизнедеятельности, отношения к иным формам освоения действительности является в настоящее время одной из актуальных тем в литературе, связанной с изучением сознания и познания.

В чем же причины столь радикального пересмотра статуса рациональности? Это, во-первых, коренное изменение представлений о реальности, исследуемой естествознанием, о путях ее познания. Во-вторых, бурное развитие всего комплекса социальных наук, которые энергично теснят естественные науки. В-третьих, исследования науки методами эпистемологии, логики, философии языка, социологии заставили серьезно уточнить некоторые традиционные представления о науке.

Классическая наука полагала, что объективность знания достигается за счет элиминации из объяснения и теоретического описания любых ссылок на операции и средства деятельности. Применение этой парадигмы в социальных науках действительно приводило к упрощенной механистической трактовке социальных процессов (программы А. Сен-Симона, О. Конта). Критика этих программ выделила ряд особенностей социально-гуманитарных наук (Г. Риккерт, В. Дильтей и др.).

В. Швырев фиксирует "концептуальный кризис в интерпретации понятия "рациональность", который обнаруживается в современных дискуссиях по этой проблеме и связан с конкретной исторической формой рациональности, а именно с тем классическим представлением о рациональности, которое восходит к эпохе нового времени и Просвещения. Современный кризис рациональности — это, конечно, кризис классического представления о рациональности" [1, с. 105-106].

Для того чтобы оценить динамику и перспективы рациональности, необходимо сознавать, что привычная нам ценность науки и научной рациональности не всегда была присуща даже европейской культуре. Ценность научной рациональности характерна для техногенной цивилизации, но не для традиционных культур. Например, в европейском средневековье научное знание отнюдь не доминировало в культурной жизни социума, подчиняясь мировоззренческому восприятию, диктуемому религиозной доктриной.

Техногенная же цивилизация отдает приоритет именно научному знанию и рациональности. Такая мировоззренческая установка утвердилась в эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, когда был осуществлен грандиозный синтез античных идеалов и всего лучшего, что породило европейское христиан-

ское Средневековье. Именно тогда получило развитие естествознание, а наука обрела мировоззренческую функцию, завоевала право создавать картину мира на основе достижений фундаментальных наук. В дальнейшем развитии техногенных обществ возникают новые функции науки. Последняя становится производительной и социальной силой, стимулирующей общественный прогресс. Наука предстает как генератор новых технологий.

Скорее всего, для преодоления глобальных кризисов придется кардинально изменить цели и направления человеческой деятельности, а значит, и серьезно пересмотреть систему ценностей, доминирующую в культуре техногенной цивилизации.

Особую социальную значимость обретает в наши дни "защита" научной рациональности, ее сохранение в качестве приоритетной ценности культур. Потребительское общество с его идеалами гедонистического образа жизни не создает благоприятного социального фона для доминирования научной рациональности.

Рациональность как любой теоретический феномен проходит ряд этапов в своем развитии, что и порождает различные ее типы. Каждый из этапов, в качестве основополагающей, выделяет собственную характеристику рациональности, придавая ей особое значение и смысл. Это не значит, что принципиально меняется сам феномен рациональности, то есть рациональность перестает быть самой собой, превращаясь в "свое иное". Просто тот или иной этап развития человеческой истории и философии предъявляет рациональности свои собственные требования, тем самым, меняя местами ее ключевые характеристики, и соответственно, акцентируя внимание на различных сущностных моментах.

В настоящее время выделяют более двадцати различных типов рациональности – классический, неклассический, постнеклассический, исторические (античный, средневековый, нововременной и т.д.), а также рациональность научную, открытую, закрытую, специальную, ценностную, целевую, коммуникативную, социальную, инструментальную, технологическую, религиозную, формальную, теоретическую, практическую и т.д. Прослеживается явная тенденция количественного роста типов рациональности, что проявляется, например, в указании на рациональность каждой отдельно взятой науки (рациональность биологии, физики, химии и т.д.

В исследованиях российских ученых сложилось несколько направлений в решении данной проблемы. Так, по мнению В. Розина, нужна не научная рациональность, а проектная рациональность. Во-первых, он считает, что научная рациональность все сводит к каузальной, причинно-следственной логике. Здесь рационально все объяснимое, имеющее причину. Говоря о проектной рациональности, имеется в виду телеологическая логика. Здесь рациональность относится к действию и его результатам. Это то, что М. Вебер выделял как целе- и ценностно-рациональные действия.

Во-вторых, он говорит об альтернативе, и считает, что нужно восстановить идею множественности разных идеалов науки с возвращением исходного генетического ядра научной деятельности как особой семиотической работы по построению теорий, идеальных объектов и т.д. Поэтому необходимо различать разные цели исследования: если необходимо провести в ходе научного исследования свою позицию или противопоставить ее другим позициям и объяснениям, с которыми нет согласия, то в этом случае приходится прибегать к идеалу гуманитарного познания. В том же случае, если нужно контролируемо влиять на социальные явления, работает идеал социальной науки. Но иногда

необходимо соединять методы, относящиеся к разным типам наук. Причем, понимая, какие идеалы науки используются и для каких целей, по мнению Розина, это означает кардинальный сдвиг в плане методологии науки, а также понимание, что никакой природы самой по себе, вне нашей интеллектуальной и практической деятельности, не существует. Такую работу можно проделать, только если поставить на должный уровень методологическую работу наук [2, с. 48].

В противоположность “закрытой рациональности” предлагается модель “открытой рациональности”. В классической рациональности проблема соотношения открытости и закрытости стоит так, что, в общем, имеет место и закрытая и открытая рациональность, а в постнеклассической рациональности открытость является необходимым моментом рациональности, ее перманентной характеристикой.

Иную версию преодоления кризиса рациональности предлагает Г. Копылов. Он считает, что должна осуществляться активная “раскрутка” науки, то есть ее активное социокультурное продвижение. Пока же предполагается, что достижения науки по причине их безусловной истинности должны говорить за себя сами. Отказываясь от притязаний на истинность в последней инстанции, институт науки должен пользоваться всеми теми средствами социального продвижения, которые наработаны в других общественных сферах.

Да, наука должна быть на своем месте, ограничить свои притязания, заниматься теми вещами, которыми она должна заниматься. Но эта “граница” заранее неизвестна – есть только определенные методологические соображения по этому поводу – и все определится этим “промоушеном”. А у него должны быть две составляющие: во-первых, новая популяризация науки, методологическая по своему характеру и демонстрирующая ограничения науки, а во-вторых, что неизмеримо важнее, – необходима огромная инфраструктура использования науки.

Здесь Г. Копылов вводит термин по аналогии с экономическим – технологический мультипликатор. Маленькое движение в рамках чистой науки при хорошей технической и социокультурной “раскрутке” дает огромный разворот в плане последствий. Потрясающие социальные инновации могут быть сделаны с помощью какого-нибудь ничтожного научного открытия, главное – построить формы его социального задействования [2, с. 35].

Вопрос о возможном сосуществовании различных типов рациональности рассматривается и освещается и в западной философской литературе, причем с самых разных, и иногда неожиданных позиций. Так, например, современный исследователь рациональности Д. Дэвис в “дебатах по рациональности” предлагает выделить два центральных вопроса. “Во-первых, должны ли мы признать различия в базисных нормах эпистемологической и действительной рациональности... Во-вторых, может ли быть достигнуто подлинное понимание между культурами и научным исследованиям традиций, которые так отличаются как во мнении, так и на практике?”. Автор отмечает, что, несмотря на, большую привлекательность концепции “диалогического оптимизма” – согласно которой взаимопонимание между различными культурами и типами рациональности может быть достигнуто – эта концепция еще не разработана [3, с. 231].

Немецкий исследователь И. Фрюхтль различает два основных полюса значений рациональности – “дискурс” и “разум”. “Дискурс”, по всей видимости, является основным элементом рациональности, который интересуется его в изучае-

мых концепциях. Можно сказать, что Фрьюхтль противопоставляет классическую модель рациональности и постмодернистское философствование.

Против этих двух парадигм и направлена постмодернистская революция. С другой стороны, в успехе этой революции можно решительным образом сомневаться: даже не только в том случае, если считать ее “неправильной”, а последовательный интеллектуальный плюрализм – по определению невозможным. Постмодернизм является вполне естественным порождением истории западной философии: на скрещении европейской феноменологии и американского прагматизма весьма своевременно появляется доступная для более широкой публики и даже популярная версия.

Упомянутая И. Фрьюхтлем концепция трансверсального разума Вольфганга Велша, находит свою поддержку в настоящее время и в разработках отечественных философов [3, с. 271]. Так, новгородский исследователь А.А. Кузьмин указывает на многовековую длительную историю взаимосвязи разума и рациональности, отмеченную в современной культуре их размежеванием. Это расхождение произошло в XX в. в силу, как указывает В. Велш, дифференциации разума на различные рациональности. “Для Велша очевидно, что дробление единого разума на когнитивную, морально-практическую и эстетическую рациональности – это только первый, но ни в коем случае не самый важный шаг на пути к склонности плюралистического толкования разума” [3, с. 241]. Именно в терминах плюрализма, как считает Велш, и следует понимать в настоящее время рациональность. Другими словами, существует большое разнообразие рациональностей (их плюрализм), при возникновении споров и разногласий между ними необходимо обращение к “трансверсальному разуму” (трансверсальный – значит поперечный). Последний “ведет себя как нейтральная способность, не касающаяся содержательных вопросов, а анализирующая лишь парадигматические взаимосвязи средствами логики” [3, с. 242]. Именно трансверсальный разум, являясь “чистым” разумом, универсально владеет “аналитическими и рефлексивными компетенциями”, он придерживается идеи целого, которое состоит не из тождественного, а из гетерогенного.

Другими словами постмодернистскую концепцию рациональности В. Велша можно интерпретировать как объединение множественных рациональностей (“рационального хаоса”) неким единым – поперечным, “трансверсальным” разумом. Таким образом, можно и не выделять особые специфические для тех или иных типов рациональностей формы взаимодействия друг с другом, достаточно предположить, что все, даже самые несопоставимые типы пронизывает объединяющий их трансверсальный разум.

Новая рациональность также рассматривается и в работах последователей постмодернизма. Можно отметить, что в их интерпретации рациональность осмысливается как игра слов и самодвижение языка, размытость текстов и “письмо” вместо философии. Безусловный плюс, состоит в том, что они пытаются вырваться за пределы жестких правил требований рациональности, предлагая свое решение. Однако вместо последовательности и логики рационализма используется ризома, которая в отличие от последней не является проверенным, эффективным методом.

Такое преодоление “кризиса” рациональности вряд ли является продуктивным. Во-первых, оно ведет к абсолютному эпистемологическому релятивизму, где не существует строгих критериев, где сам процесс обретения знания может быть бесконечным. Во-вторых, основой такого движения становится неопределенность, отсутствие целостности, фрагментация. Здесь всегда властвует беспорядок и случай. Общепринятые моральные принципы Просвеще-

ния рассматриваются как ограничение ризомального движения по поверхности, нравственный анархизм и как его следствие цинизм не менее опасен, чем анархизм эпистемологический, но именно он предлагается как попытка решения тех проблем, которые были порождены рациональностью и ее ключевыми принципами – признанием общепринятой морали, общественных законов повседневной жизни.

В итоге статьи хотелось бы отметить, что в настоящее время появились реальные возможности решения проблемы кризиса рациональности. Многообразие типов рациональности во многом обусловлено противоречивостью каждого отдельного типа, которая состоит в том, что, обретая свой своеобразный тип, свое “бытие” рациональность одновременно с этим обретает и свою границу, свое другое “бытие”. Существование многообразных типов рациональности с необходимостью порождает определенные отношения между ними, которые принимают самые различные формы – от полной автономности и независимого существования, до теснейшей взаимосвязи и взаимовлияния.

Плюрализм вариантов “новой” рациональности, говорит об активном интересе ученых к этой проблеме. Соотнесение развития человекообразных объектов с проблематикой места человека, учет включенности человека и его действий в функционирование подавляющего большинства исторически развивающихся систем, освоенных в человеческой деятельности, привносит в научное знание гуманистический смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Швырев, В.С.** Рациональность в современной культуре / В.С. Швырев // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 1.
2. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре: материалы “круглого стола” // *Вопросы философии*. – 2003. – № 12. – С. 3-53.
3. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – 400 с.